
ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 395, 398.21, 398.3, 398.4
DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-9-22

Формулы гостеприимства в русских сказках Урала и Сибири

М. В. Рейли

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Автор статьи выявляет место и роль традиционных формул гостеприимства в русских волшебных сказках Сибири и Урала, характерных для изображения встречи Яги-помощницы и героя-протагониста. Методом сплошной выборки был составлен корпус устойчивых формул гостеприимства. Материалом исследования послужили тексты волшебных сказок, опубликованные в наиболее известных сборниках. В статье представлен развернутый анализ структуры и функций формул гостеприимства, характерных для волшебных сказок сибирско-уральского региона. Автор сопоставляет их с аналогичными формулами, характерными для репертуара Севера и Юга России. При выявлении формул гостеприимства учитываются как вербальные, так и невербальные, поведенческие маркеры персонажей. Предлагается предварительная классификация внутренних медиальных формул в рамках обозначенной темы, уточняющая классификацию, предложенную Н. Рошияну, и выявляется их региональная специфика.

Ключевые слова

русские в Сибири, сказка, сказочные формулы, Баба-Яга, мифология, текстология

Для цитирования

Рейли М. В. Формулы гостеприимства в русских сказках Урала и Сибири // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 9–22. DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-9-22

Formulas of hospitality in Russian fairy tales of the Urals and Siberia

M. V. Reili

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract

The paper discusses the complexity and multidimensionality of the image of Baba Yaga in the Siberian fairytale tradition. The most important functions of the Russian fairytale characters are marked with formulas. The aim was to identify the place and role of traditional formulas of hospitality in Russian fairy tales of Siberia and the Ural characteristic for the depiction of the meeting of Yaga-helper and the protagonist hero by analyzing their structure

© М. В. Рейли, 2022

and functions. Since the theme concerned has not been studied enough in the scientific literature, this work is not of theoretical but rather of a textological nature. The formulas of the fairytale texts from the most famous Siberian collections were studied and compared with similar or complementary formulas typical of North Russian and South Russian fairy tales. The author proceeds from the division of the fairytale formulas into three large groups: initial, medial, and final. A preliminary classification of internal medial formulas has been proposed within the framework of the topic in question, clarifying the classification by N. Roshianu. Additionally, the regional specificity of these formulas has been revealed. Speaking about the formulas of hospitality, both verbal and non-verbal, the behavioral markers in the process of communication between the hero and Yaga were taken into account.

Keywords

Russians in Siberia, fairy tale, fabulous formulas, Baba Yaga, mythology, textology

For citation

Reili M. V. Formuly gostepriimstva v russkikh skazkakh Urala i Sibiri [Formulas of hospitality in Russian fairy tales of the Urals and Siberia]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 9–22. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2022-2-9-22

Сибирская сказочная традиция демонстрирует сложный, многомерный образ Бабы-Яги: с одной стороны, он сохраняет черты, говорящие о его древних мифологических корнях (Яга как хтонический персонаж, страж или хозяйка иномирья, распорядительница судьбами героев, хозяйка, в чьей власти природные стихийные силы), с другой – демонстрирует результаты пройденной трансформации: утрата маркеров древнего мифологического существа высшего порядка, всех следов сакральности образа и обретение явных черт персонажа бытовой мифологии – ведьмы. Все эти качества проявляются в ходе ее взаимодействия с героем, где она выполняет функцию помощницы.

Как известно, важнейшие функции персонажей отмечены формулами. Главная цель настоящей работы состоит в выявлении места и роли традиционных формул гостеприимства в русских волшебных сказках Сибири и Урала в отношениях Яги-помощницы с героем, исходя из анализа их структуры и функций; проведения предварительной инвентаризации и классификации этих формул и выявлении, насколько это возможно, их региональной специфики. Материалом исследования послужили опубликованные коллекции русских народных сказок, записанных на территории Сибири и Урала в первой половине XX в.

Вопросы формульности в фольклоре и в частности в русской сказке рассматривались в работах таких отечественных ученых, как В. Я. Пропп [1969, 1986], Н. В. Новиков [1974, с. 133–146, 159–180], Г. И. Мальцев [1989], Н. М. Герасимова [1978а, 1978б, 1995] и др., которые опирались в том числе на опыт своих зарубежных предшественников.

В настоящей работе мы исходим из разделения сказочных формул на три большие группы: а) инициальные формулы; б) медиальные формулы; в) финальные формулы. При этом инициальные и финальные формулы изучались чаще и подробнее; медиальные же формулы, особенно внутренние, встречающиеся в основной части повествования, наоборот, занимают сравнительно незначительное место в работах, посвященных сказке, и, как правило, лишь перечисляются в исследованиях без указания на их функциональные особенности. Н. Рошияну писал, что «богатство и разнообразие медиальных формул вызвало трудности в их систематизации и классификации, поэтому исследователи прибегали в конце концов <...> к их инвентаризации» [Рошияну, 1974, с. 88–89]. Он отмечал, что самой богатой группой формул располагает герой, за которым следует «антагонист, помощник, отправитель, даритель...» [Там же, с. 131], т. е. в нашем случае Баба-Яга, которая является одновременно и тем, и другим, и третьим... Но именно медиальные формулы можно назвать в то же время и магическими, а те, в свою очередь, «являются факторами, приводящими в действие самые важные элементы сказки – помощников героя», – пишет Н. Рошияну. «А известно, – продолжает он, – что герой становится настоящим героем как раз благодаря этим помощникам; впрочем, без них в сказке невозможен вообще никакой героический поступок» [Там же, с. 122–123].

В данной статье мы будем опираться не столько на теоретические работы, ибо информация по нашей теме в них минимальна, сколько на текстологический анализ материалов наиболее извест-

ных сборников сказок Сибири и Урала, а также взятых для сравнения сказочных текстов северно- и южнорусских сборников¹.

Говоря о формулах гостеприимства, мы имеем в виду как вербальные, так и невербальные, поведенческие маркеры в процессе общения героя с Ягой, к которой его закономерно приводит путь. Цель путешествия (иногда она меняется в процессе перемещения героя) неизбежно приводит к жилищу Яги, которое герой может миновать, только зайдя предварительно внутрь его и пообщавшись с хозяйкой (ср. образ «заставы богатырской» в эпосе, только от противного).

Таким образом, именно цель путешествия обуславливает встречу героя с Бабой-Ягой. Его вторжение на чужую территорию, где Яга (как помощница, так и противница) обладает собственным жильем, встречает, как правило, недвусмысленный отпор хозяйки этого пространства. Здесь он – незванный гость, почему ему и требуется подтверждение статуса «своего» во избежание открытого конфликта (с помощью обрядовой формулы либо знакового предмета, посланного родственницей Яги, и т.п.).

Н. Рошияну в числе внутренних медиальных формул² выделил пять подгрупп: «1) формулы, определяющие образ сказочных персонажей или описывающие принадлежащие им предметы; 2) формулы, описывающие действия сказочных персонажей; 3) формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных (персонажей); 4) “магические формулы”; 5) формулы, содержащие элементы, характерные для инициальных формул» [Там же, с. 98]. Данная классификация и будет взята за основу исследования.

Посмотрим, как проходит встреча героя с Бабой-Ягой, какие формулы при этом используются.

1. Первая группа – **«формулы, определяющие образ сказочных персонажей или описывающие принадлежащие им предметы»**. Добавим от себя, что в нашем случае они даны не в виде диалога, а с помощью описаний внешних маркеров поведения.

В этой группе, говоря о формулах гостеприимства, на момент встречи персонажей имеет значение:

1.1. **Формула, отображающая телоположение Яги в пространстве.** Яга предстает перед героем / героиней либо просто пожилой, старой женщиной (старушкой, бабушкой), иногда даже девицей, либо чудовищной старухой с гипертрофированными частями тела, зачастую проявляющей недвусмысленную агрессию по отношению к герою. В фольклористике утвердилось представление, следующее из концепции В. Я. Проппа и поддерживаемое Н. В. Новиковым, будто Яге свойственно статичное положение – она, как правило, в избушке *лежит*. И для большинства сибирских текстов это справедливо, хотя иногда она и сидит, и стоит, и активно действует.

Но обратимся к текстам, где Яга, действительно, лежит: «*лежит в избушке Баба-Яга*» (Перм.: Зел., Перм., 55); «*лежит Яга-Ягишня из угла в угол*» (Бурят.: РССиДВ, 15)³; «*Лежит старушка, из угла в угол протянулась, а брюхо уперла в потолок*» (Бурят.: РССиДВ, 12); «*лежит в избе старуха – баба яга-костяная нога⁴, из угла в угол руки протянула, одна нога в потолок, а друга в наволок, носом поводит*»; «*лежит баба яга-костяная нога, аришны зубы, одна нога за порогом торчит, другая из трубы вылезла*»; «*лежит в избе старуха, баба яга-костяная нога, нос в потолок врос⁵, одна нога за облако задевает, другая в речке белье полощет*» (Урал., с. 200–205); «*Баба Яга лежит из угла в угол, ноги крючком*»; «*Сама старша одноглаза была*»; «*Эта Двоглазка*»; «*Там Трехглазка*» (Забайкалье: Зин., 25); «*Яга-Ягишня лежит – в одну стену уперлась ногами, в*

¹ См. «Список сокращений источников текстов». В статье ссылки на источники сказочных текстов даны в круглых скобках после цитирования. Там же указан регион записи текста – см. «Список сокращений географических названий». Сравнительный материал будет приводиться в подстрочных примечаниях, дабы не утяжелять основной текст.

² Имеются в виду формулы, которые «прямо связаны с определенными элементами сказки и образуют с ними неразрывное единство», и, как правило, сопровождают «персонаж (предмет) или эпизод и т.д.» [Рошияну, 1974, с. 131].

³ Ср.: Север: Волог.: Аф., 235; Г., 16; Спр. 1, 35; Вят.: Спр. 1, 141.

⁴ Ср.: Север: Арх.: Нкф., 86; Сок., 55; Зел., Вят., 118; Мурм.: Б., 7; 88; Олон.: Крн., 14; Раз., 69.

⁵ Ср.: Север: Волог.: Аф., 235; Г., 16; Спр. 1, 35; Мурм.: Б., 7; Юг: Моск.: МС, 44.

другую стену головой» (Перм.: Зел., Перм., 20)⁶; «отворят дверь – она не отворятца. А там Яга баба на полу валятца»; «Посмотрел он к ей в окошко: она грызёт живую кошку. <...> Старуха ноги убрала – и приперта дверь была иё большім ногами» (Перм.: Зел., Перм., 28). Судя по этим цитатам, Яга действительно чаще недвижима (лежит или сидит). Подавляющая часть приведенных в статье цитат подтверждает справедливость концепции В. Я. Проппа.

Именно в этих текстах, как правило, подчеркиваются гипертрофированные черты облика Яги: сама она заполняет собой все жилище (из угла в угол) и даже выходит за его пределы; у нее несо-размерно большие зубы, нос, брюхо, руки, ноги, которыми она совершает активные действия; у сестер-Ягишен разное количество глаз: от трех до одного у самой старшей из них (как тут не вспомнить циклопов).

В ряде текстов герой / героиня застаёт ее сидящей: *сидит старушка* (Низ. Ангары: Пот. 1, вып. 2: 5; Енисей.: Пот. 1, вып. 2: 13; ср.: Иркутск.: РССиДВ, 16); «сидит Яга Ягишна, старенькая»; «Сидит баба-яга. Да старая-престарая, седая, нос крючком»; «Ох, и старая-то-престарая старуха сидит, дак аж мохом обросла» (Лена: Шаст., 26); *старуха сидит седая-приседая, длиннозубая; сидит старуха старая-старая, зубы вострые; сидит старуха, седая-приседая, глаза большие, зубы востры* (Енисей.: Пот. 1, вып. 2: 10); «на печи сидит Ягишна старая-престарая, сахар гложет, только хрупоток стоит» (Урал., с. 189–193); «а на грядке сидит Баба-Яга: одна нога у её на полке, а друга на грядке» (Перм.: Зел., Перм., 67); «а в избушке ягишна – сидит за пряслицей, прядет шелкову кудельку на золотое веретенце» (Перм.: Аф., 174); «зашел в избу, та вьет золото, свила его» (Курган.: Аф., 267)⁷. Как видим, гипертрофированных частей тела здесь почти не наблюдается, но зато настойчиво подчеркивается древний возраст Яги.

В трех сибирских текстах Яга встречает героя стоя: *стоит баба-ягишна* (Барн.: Пот. 1, вып. 2: 29, 38); «стоит старая-престарая старуха, сама большая-пребольшая» (Иркутск.: РССиДВ, 16)⁸; «зашел в избушку, а в ней баба Яга костяная нога, морда глиняная» (Перм.: Спр. 2: 279, 281)⁹.

Прямого указания на то, что Баба-Яга – великанша, нет, но в текстах почти повсеместно подчеркиваются ее аномальные размеры, гипертрофированность отдельных частей тела, их необычность. На исполинские габариты Яги традиционно указывает то, что она словно заполняет собой все пространство своего жилища. Благодаря такому описанию складывается странное впечатление, будто отдельные части тела Яги существуют самостоятельно, живут по дому своей жизнью и даже «срастаются» с ним, наводя на мысль о единстве Бабы-Яги и пространства, в котором она существует, «ее» пространства. При этом очевидно, что ряд признаков в сибирской традиции не встречается, зато они очень распространены на Русском Севере¹⁰.

Все это характеризует Бабу-Ягу как персонаж демонический и воинственный.

3. «Формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей)».

⁶ Ср.: Север: «голова на лавке, ноги в трубе» (Волог.: Сок., 66).

⁷ Но и пассивность сидящей Яги по большей части лишь кажущаяся. В севернорусской традиции текстов, когда она просто сидит на печи или на печном столбе, не так много (Волог.: ВС, 11, 33; Сок., 139; Олон.: КС, 9). В преобладающем же числе случаев она занимается женской работой: *прядением, плетением, вязанием, ткачеством* («предёт шёлковой кужель на золотё веретёнцо», тонкий шелк, шерсть и т. п., плетет шелковый пояс (Арх.: Аф., 178; Крн., 46; Сим., 11; Волог.: Сок., 139; Г., 17; Вят.: Зел., Вят., 13; Мурм.: Б., 59; Олон.: КС, 9; Раз., 12; Ряз.: Худ., 103), «ткет утирки» (Тамбов.: Аф., 171); или *вяжет помело* (Волог.: Г., 17), *блины некот* (Вят.: Зел., Вят., 74).

⁸ Ср.: Север: Олон.: Крн., 7.

⁹ Ср.: Север: Арх.: Крн., 14; Волог.: Сок., 55.

¹⁰ См.: «титки через грядку веснут»; грудью «печку затыкает» (Мурм.: Б., 1, 33; Крн., 10; Арх.: Крн., 14; Олон.: Раз., 69); волосами Яга «в печи пашет» (Волог.: Сок., 55); глаза «на полицки» (Мурм.: Б., 7); носом «в жаратке копает», «уголья гребет», «в печи мешает» (Мурм.: Б., 1, Крн., 10; Олон.: КС, 9, Раз., 69; Арх.: Крн., 14, Сим., 11), «губы на грядке» (Волог.: Аф., 235; Г., 16), губами «горшки волочит» (Мурм.: Б., 7, 59); языком «в печи пашет», «мосток подпахивает» (Мурм.: Б., 1, 7, 59; Крн., 10; Арх.: Крн., 14; Олон.: Раз., 69) и т. д.

3.1. **Формула опознания (вербальная).** В большинстве случаев, почуяв незваного гостя, Яга сообщает своим возгласом: «Фу-фу-фу, русским духом пахнет!..» (Енисей.: Пот. 1, вып. 2: 10, Низ. Ангара: Пот. 1, вып. 2: 5; Том.: Пот. 1, вып. 2: 15; Перм.: Смр. 2: 279, 281)¹¹, что пришедший не остался незамеченным. Таким образом, о появлении гостя, в первую очередь, сигнализирует его запах, чуждый для того пространства, в которое попадает герой. Запах незваного гостя неприятен Яге. Это и есть самая устойчивая часть формулы приветствия. В одном из вариантов встречаем весьма экспрессивную формулу, идущую от противного: «Ху, неруськой дух!» (Перм.: Зел., Перм., 28), что только подтверждает общее правило о чужеродности пришедшего гостя пространству Яги. Как справедливо было замечено Н. В. Новиковым, Баба-Яга чувствует в пришельце чужого – «русский дух» либо «русскую кость» [Новиков, 1974, с. 139]. Кроме того, это приветствие свойственно всем сказочным персонажам-людоедам (Змей, Лихо Одноглазое и др.), имеющим, по преимуществу, оседлое место пребывания (собственное жилье). Речь здесь идет не о любом постороннем вообще, а о земном человеке, который приходит в иной мир. Мир героя-протагониста отождествляется в понимании русского сказочника с родной землей (Русью).

При этом часть формулы (*фу-фу-фу*) может опускаться, а вторая часть формулы (после двойного или тройного «фу») варьируется, являя собой следующий смысловой фрагмент, который представляет собой явную или скрытую угрозу.

3.2. **Формула констатации исключительности происходящего и угрозы «чуждому».** В фольклористике широко известен тезис В. Я. Проппа о слепоте Бабы-Яги: «<она> не высматривает, она “выслушивает” (“хватает”), так же как она вынюхивает пришельца» [Пропп, 1986, с. 72–73]. Яга *чуёт* и *слышит* героя: «Фу, фу, русским духом пахнет!» (Енисей.: Пот. 1, вып. 2: 10); «*русскова духу слышно!*» (Перм.: Зел., Перм., 67); «*баба Яга услышала и говорит: “Фу! Фу! Русским духом пахнет, русская костка на двор пришла”*» (Перм.: Смр. 2, 279, 281); «*русскова духу слыхом не слышала, а русский дух сам в ызбу зашол!*» (Перм.: Зел., Перм., 55). Тем не менее признанная гипотеза В. Я. Проппа о слепоте Яги может быть подвергнута сомнению. В русских сказках, записанных в Сибири и на Урале, достаточно примеров, согласно которым Яга ссылается и на **зрение**: «*русского духа слыхом не слышать, видом не видать, а русский дух сам на двор пришел*» (Урал., с. 200–205); «*русскова духу срóду не видала, руськой дух ко мне сам пришел!*» (Перм.: Зел., Перм., 20; ср.: Том.: Пот. 1, вып. 2: 15; Барн.: Пот. 1, кн. 2: 29, 38; Урал, с. 200–205); «*Раньше было русской костки слыхом не слышать, видом не видать, а нынче русская костка сама во двор пришла*» (Том.: Пот. 1, вып. 2: 15, Барн.: Пот. 1, вып. 2: 29; ср.: Перм.: Аф., 174; Курган.: Аф., 267; Перм.: Смр. 2: 279, 281; Бурят.: РССиДВ, 15); «*Зашол Ипат в избушку, смотрят друг на дружку*» (Перм.: Зел., Перм., 28).

Напомним, что в мифологических рассказах (быличках) герой обычно не видит мифологических существ, хотя сам он для них видим. Герой начинает видеть «тонкий мир» обычно в результате какой-то допущенной неосторожности (в глаза попали брызги воды от обмывания ребенка мифологического существа и др.). Возможен и вариант проклятия, «неосторожного слова», в результате которых человек «выпадает» из обыденного мира и попадает в мир духов. Кроме того, согласно народным верованиям, человек становится доступным для общения с мифологическими существами, находясь в переходном состоянии (классические 40 дней, необходимые для трансформации и закрепления нового качества во время беременности, родов, свадьбы, похорон и др.).

В ряде текстов традиционная формула дополняется прямой угрозой: «*Хам-сьем!*» (Барн.: Пот. 1, кн. 2: 29, 38); «*Съем я тебя, Ипат!*» (Перм.: Зел., Перм., 28; ср.: 67); «*Кака-то красна девка пришла. Я иё съем*» (Перм.: Зел., Перм., 67)¹²; «*“Ах, Иван-царевич! – говорит ему баба Яга. – Зачем ты зашел сюда; ведь я тебя похитю”*» (Енисей.: Пот. 1, кн. 2: 13).

¹¹ Ср.: Север: «Словно русским духом пахнет, кто там?» (Волог.: ВС, 11; Мурм.: Б., 7, 27; Крг., 7, 9; Арх.: Крн., 46; Смр. 1, 1); «пахнет, съем...» (Волог.: Г., 17); Юг: Вят.: Зел., Вят., 118; Казан.: Худ., 14; Ряз.: Худ., 18, 103. Сущностная составляющая этой части диалога подробно проанализирована и охарактеризована В. Я. Проппом [1986, с. 64–69].

¹² Ср.: Север: Волог.: Г., 17: «съем, погублю, кости высосу» – и не менее жесткие формы: Арх.: Аф., 157, 178; Волог.: Смр., 35; Сок., 55, 139; ВС, 33; Мурм.: Б., 7; Крг., 7, 9, 10; Олон.: КС, 6; Раз., 12, 69; Юг: Вят.: Зел., Вят., 86, 117; Ряз.: Худ., 103.

Приветственная формула подтверждает основное положение В. Я. Проппа о чуждости для Яги принадлежащего миру живых героя. Баба-Яга воспринимает его не только по запаху, но и зрительно, что свидетельствует о переходном состоянии героя в момент его встречи с Ягой. Его трансформация началась, он открыт и доступен восприятию медиатора – стража границы, функционирующего между мирами, и любого существа иного мира.

3.3. **Формула определения целеполагания героя.** После того как героя обнаружили, как правило, следует вопрос о цели его путешествия. Иногда этот вопрос является реакцией на грамотное речевое поведение героя, опуская взаимное формульное приветствие, и также сводится к традиционному набору вариантов: «Куда же ты, молодец, пошел?» (Урал., с. 189–193; ср.: Перм.: Зел., Перм., 28; Курган.: Аф., 267; Бурят.: РССиДВ, 15); «Куды пошел, куды побрел?» (Низ. Ангары: Пот. 1, кн. 2: 5, Барн.: Пот. 1, кн. 2: 29, 38)¹³. «Куда же ты, сынок, пошел, куда побрел, куда Бог понес? Скажи, поведай истинную правду» (Барн.: Пот. 1, кн. 2: 29); «Куды пошул, куды путь держишь?» (Бурят.: РССиДВ, 12); «Куда, молодец, путь держишь?» (Низ. Ангары: Пот. 1, кн. 2: 5, Барн.: Пот. 1, кн. 2: 38; Перм.: Спр. 2: 279, 281; ср.: Лена: Шаст., 26: «далеко ли путь держишь?»)¹⁴; «А куда же ты, дитятко, путь держишь?» (Забайкалье: Зин., 24); «Куда иде, молодуха, зачем?» (Забайкалье: Зин., 47); «Далеко ли ты, дитятко, в путь собрался?» (Перм.: Спр. 2: 279, 281; ср.: Забайкалье: Зин., 24: «Ты куды, дитятко, собрался?»); «Куды жо ты поехал?» (Перм.: Зел., Перм., 20; Забайкалье: Зин., 24, 25; ср.: Перм.: Аф., 174: «Куда, русска коска Иван-царевич, поехал?»); «Но, откуда это ты, дитятко, идешь и куды?»; «Расскажи-ка молодой человек, куды идешь? Зачем идешь и откуда?»; «Ну, дитятко, расскажи, чей, откуда и куда путь держишь?» (Иркутск.: РССиДВ, 16); «Откель, молодец, идешь? Откель и куды, и зачем сюда зашел?» (Енисей.: Пот. 1, кн. 2: 10); «Зачем ты сюда зашел?» (Енисей.: Пот. 1, кн. 2: 10, 13; ср.: Урал, с. 200–205: «Зачем, красавица, пожаловала?»)¹⁵; «Здравствуй, Иван-царевич! Чего тебе надо?» (Том.: Пот. 1, кн. 2: 15); «За какими делами последовал?» (Лена: Шаст., 26); «Где же ты проживался?»; «Где же ты, милой друх, проживался?» (Перм.: Зел., Перм., 1). Встречается и эпическое: «куды ты русска кость поднялась?» (Низ. Ангары: Пот. 1, вып. 2: 5. Там же: «Куды же ты, дитятко, поднялась?»).

Таким образом, основные вопросы, которые интересуют Ягу в момент встречи незваного гостя: куда? далеко ли? за какими делами? откуда? зачем? чего надобно?

3.4. **Формула обозначения изолированности пространства иномирья.** Иногда Баба-Яга дополнительно указывает на недосыгаемость и безжизненность пространства, где она пребывает: «Здесь не то что люди, звери-то не ходят, и птицы не летают» (Енисей.: Пот. 1, кн. 2: 10)¹⁶. Этот мотив лишь единожды встретился в сибирских текстах, совсем не встретился на Юге, зато очень распространен на Севере России.

Таким образом, встреча с Ягой-людоедкой, одной из наиболее древних ипостасей образа Яги, в большом количестве случаев начинается с прямой угрозы съесть героя. При этом ей изначально как бы безразлична его судьба. Но она откликается на его требование следовать этикету.

3.5. **Формула ответа героя на приветствие Яги,** как и положено, не менее традиционна, но имеет свои варианты:

¹³ Ср.: «Дело пытаешь или от дела лытаешь?» (Тамбов.: Аф., 171; Воронеж.: Аф., 219; 204; Ряз.: Худ., 5, 18; Сад., 4); «Зачем, добрый молодец, Иван-царевич сюда зашел? Волею или неволею?» (Оренбург.: Аф., 232; Вят.: Зел., Вят., 13); **Север:** Арх.: Нкф., 41, 49, 51, 86, 131; Онч., 167; Сим., 11; Мурм.: Б., 43, 57. То есть имеет значение степень свободы воли героя.

¹⁴ Ср.: **Север:** Арх.: Аф., 175, 178; Онч., 8; Нкф., 41, 49, 51, 66, 86; Ржд., 38; Сим., 11; Волог.: ВС, 33; Сок., 66; Вят.: Зел., Вят., 47, 74; Мурм.: Б., 1, 59; КС, 9.

¹⁵ Ср. **Север:** Арх.: Нкф., 41, 49, 51, 86; **Юг:** Воронеж.: Аф., 219, 204; Моск.: МС, 37, 44; Ряз.: Худ., 103; «Гой еси, добрый молодец!» (Саратов.: Аф., 269; ср.: Воронеж.: Купр., 1; Ряз.: Худ., 5); **Север:** Арх.: Аф., 178; Нкф., 41, 49, 51, 86; Онч., 8; Мурм.: КС, 9) и т.п.

¹⁶ Ср.: **Север:** Вят.: Спр. 1, 141; Зел., Вят., 118; «Я живу здесь триста лет, и мимо меня только в тридцать лет проходил один цёловек. Кто проходит здесь, мимо меня не пройдет, и кто ежеси может меня уговорить, тот проходит дальше» (Мурм.: Крг., 9 и др.). «никакой черный ворон мимо не пролятывал, добрый молодец мимо не прохаживал» (Мурм.: Б., 88, 59; Крг., 10; ср.: Мурм.: Б., 43, 57; Арх.: Онч., 8); мимо меня ни конной не проезживав, ни пешой не прохаживав, птица не пролетывала, зверь не прорыскивал (Мурм.: Б., 65; Волог.: Спр., 26).

3.5.1. **Императивная:** «Прежде, старуха, напой, накорми, потом вести расспроси» (Курган.: Аф., 267; ср.: Барн.: Пот. 1, вып. 2: 29, 38; Перм.: Зел., Перм., 20, 28, 67)¹⁷; «От, бабушка, я ись хочу. Напой, накорми, дай отдохнуть, уснуть, а потом спрашивай» (Иркутск.: РССиДВ, 16); «Бабушка-сударушка, напой, накорми, тогда вести расспроси!» (Перм.: Спр. 2: 279, 281; Урал., с. 189–193: «А напой, накорми, да тожно вести расспроси»; Перм.: Аф., 174: «Прежде напой-накорми, тожно расспроси»); «А ты, бабушка, не сердись, сначала напой, накорми, а потом ответ спрашивай»; «Не ругайся, бабушка, напой, накорми, а потом ответ спрашивай» (Урал., с. 200–205); «Нет, не ешь! Сперва напой, накорми, спать уложи, да спроси: чья? откуда?» (Перм.: Зел., Перм., 67).

3.5.2. **Констатация герою факта нарушения законов гостеприимства и указание на неправомерность поведения Яги по отношению к гостю:** «Бабушка, не напоила и не накормила, вздумала спрашивать» (Енисей.: Пот. 1, кн. 2: 10; ср.: Лена: Шаст., 26); «Не напоила, не накормила, стала голодных вестей¹⁸ спрашивать!» (Низ. Ангары: Пот. 1, кн. 2: 5); «Что ты, бабушка, не накормила, не напоила, стала вести спрашивать» (Бурят.: РССиДВ, 15).

На угрозу быть съеденным герой отвечает зачастую в агрессивной и даже оскорбительной форме и словом, и делом: «Ах ты, старая! Не напоила, не накормила, стала вести выспрашивать» (Том.: Пот. 1, кн. 2: 15); «Цыц, стара б...ь, сама себя ешь»; «Нет, бабушка, не ешь меня, а ешь сама себя» (Барн.: Пот. 1, кн. 2: 29, 38); «“Врёшь, стара чертовка, подавишься!.. А ты, старуха, не сердись, а с Ипатом помирись! А сварю-ко мне суп, да из трёх губ – одну свиныйну, и мышину, и верблюжину!” (Перм.: Зел., Перм., 28); «Штó ты, старая сука, делаешь? В протчих деревнях так ли делают старухи? А ты должна баньку истопить, выпарить, вымыть и спросить: где ты прожигался?»; «“Эх ты, старуха! В протчих деревнях так ли делают? ты должна добром обходица!” Тычёт ей лепёшкой в зубы. “Вот что ты делаешь! Ты бы должна баньку истопить, выпарить, накормить и спросить, куда путь клóнит, где прожигался?”»; «Он полотенцем ей по глазам хлётшот. “Штó ты, старая сука?.. Должна спросить: откудава ты и куды пошол? Вот как в протчих деревнях делают старухи-те: должна про меня баньку истопить, выпарить!” (Перм.: Зел., Перм., 1); «Нет, Яга баба, подавишься! Я тебя убью, Яга баба, и кости камнём придавлю!»¹⁹, – демонстрируя тем самым отсутствие страха перед угрозой смерти²⁰.

Именно в формуле ответа на «приветствие» Яги проявляется умение уговорить или правильное, соответствующее ожидаемой реакции речевое поведение героя. Это те самые слова, которые можно считать ключевыми и которыми можно, как считал В. Я. Пропп, «вынудить вход в иной мир» [1986, с. 79]. Только перед лицом смерти возможна трансформация, переход в качественно новое состояние.

Яга, таким образом, подвергает героя испытанию страхом, и, когда он выдерживает это испытание, поведение Яги резко меняется. Герой признается своим и на правах своего может рассчитывать на ее гостеприимство и помощь.

3.6. **Формула признания героя Ягой (невербальная).** Простейшая и традиционная реакция Яги на достойный ответ героя в тексте, как правило, оформляется ритмической формулой, которая может иметь усеченную форму: «напоила-накормила» («накормила-напоила») (Иркутск.: РССиДВ, 16; Урал., с. 200–205), «напоила-накормила и выспросила» (Енисей.: Пот. 1, кн. 2: 10; Урал., с. 189–193; Бурят.: РССиДВ, 12)²¹; более традиционную, тройную формулу: «Старуха напоила, накормила и спать положила» (Курган.: Аф., 267; Перм.: Зел., Перм., 67)²² или следовать в другом порядке, отчасти или полностью утратившем присущие формуле рифму и ритм: «Баба Яга напоила, накормила ца-

¹⁷ Ср.: Север: «Ты бы дорожного человека напоила и накормила и на добро поучила» (Волог.: Спр. 1, 35; ВС, 33; Мурм.: Крг., 9; Юг: Саратов.: Аф., 269; Вят.: Зел., Вят., 13, 47, 86, 117; Спр. 1, 141); «Сперва напой, накорми, учеть расспроси!» (Вят.: Зел., Вят., 118); Ряз.: Худ., 5) и др.

¹⁸ В издании: «вещей» – видимо, опечатка.

¹⁹ Так же герои сказок поступают с убитыми ими Змеями.

²⁰ Ср. с запретом на страх при столкновении с персонажами «низшей» мифологии или в ритуалах передачи колдовского искусства в быличках. А в одном из южных сказочных текстов встречаем подтверждение высокой оценки, данной бесстрашию героя: «Баба Ягинишна удивилась такому бесстрашному ответу и помиловала его» (Нижегор.: Ков., 10).

²¹ Ср.: Юг: Воронеж.: Аф., 219; Купр., 1; Оренбург.: Аф., 232; Вят.: Зел., Вят., 13, 118.

²² Ср.: Юг: Вят.: Зел., Вят., 117, 13, 47; Ряз.: Худ., 18, 103.

ревича и опять спрашивает» (Перм.: Смр. 2: 279, 281; Аф., 174; Забайкалье: Зин., 24); «Накормила баба Яга Машу досыта, про горе выпросила» (Урал., с. 200–205).

Вербальная формула может «расцветиваться» и чередоваться с невербальными: «Ну, бабка тут живо развернулась. “Садись, Иван-королевич, покушай”. Ну, он по обычаю и сел. Наелся, напился и спать увалился» (Лена: Шаст., 26); «Старуха одумалась: затопила баню, выпарила, накормила ево»; «Одумалась старуха. “Ладно, от сестры ты гостинец принёс, лепёшку”. Истопила баню, выпарила, накормила»; «“Ладно, ты принёс от сестры полотенцо: признаю я тебя знакомым”. Истопила баню, выпарила, накормила» (Перм.: Зел., Перм., 1; Енисей: Пот. 1, вып. 2: 13)²³; «старуха стол поставила, наставила напитки, наедки, всякия разныя кушанья; напоила, накормила этого молодца. Положила к себе на колени, начинает в голове искать²⁴, начинает вестей выпрашивать» (Барн.: Пот. 1, вып. 2: 29, 38).

Сибирским текстам присущ развернутый, балагурный, часто рифмованный характер формулы, что говорит, видимо, о ее заимствовании и первоначальном бытовании в солдатской и промысловой (сугубо «мужской») среде: «Повернулась она, на карачки стала, калачик достала, щей плеснула. “Садись, ешь, русский”»; «Вот старуха стала, стол подернула, щей налила, калачик достала. “Садись, ешь”» (Бурят.: РССиДВ, 15); «Она п...ула – стол поддёрнула, дриснула – штей плеснула, ногу подняла и квасу налила...»; «Она п...ула – стол поддёрнула, б...ула – штей плеснула, ногу подняла и ложки подала» (Перм.: Зел., Перм., 20); «Она ... – стол поддёрнула, ... – штей плеснула, титьками потрясла – булок нанесла... Напоила, накормила, стала дело спрашивать» (Перм.: Зел., Перм., 55); «Старушка перднула – стол подернула; бзднула – щей хлебнула; на карачки стала – калачиков достала; титьками потрясла – чашки, ложки принесла; с...ль свищет – солонку ищет. Накормила, напоила, стала вещей спрашивать» (Низ. Ангары: Пот. 1, вып. 2: 5; Том.: Пот. 1, вып. 2: 15; «Старуха, стол поддернула,, щей плеснула. Напоила его, накормила»); «Яга баба п...ула – стол поддёрнула, б...ла – штей плеснула, на корячки стала – луковку достала, на постельку положила и Ипатушку спросила»; «Яга баба смирилась, Ипату за руку схватилась»; «Старуха живо за горшком побежала в лес пешком. Приташишла и дров, начала ему варить. “А што жо ты пекла?” – “А пирожки”. – “Какие пирожки?” – “С сеном, с хреном и на гороховом масле, и пироги с навозом”» (Перм.: Зел., Перм., 28). Подобные формулы встречаем еще только в мурманских, поморских текстах, т. е. все в той же промысловой мужской среде²⁵. Эта начальная часть диалога подробно проанализирована и охарактеризована В. Я. Проппом [1986, с. 64–69].

Как известно, с испражнениями в славянской мифологии также связан ряд поверий и запретов. Неумение соблюдать опрятность при отправлении естественных надобностей служило знаком принадлежности к дикому потустороннему состоянию. В сказках и быличках распространен мотив превращения «гостинцев», принесенных нечистой силой, в кал (навоз), что характеризует противоположность «того» мира миру живых людей. Таким образом, в данном случае необычное поведение Бабы-Яги является нормальным для персонажа «иног» мира, а пища, доставленная подобным образом, является нормальной пищей, хлебом «иног» мира, приятие которой служит элементом инициации героя. Вспомним также о природе и функции комического в фольклоре. Если проводить напрашивающиеся параллели с великими богинями древности, то Яга так же, как и они, сочетает в себе жизнь и смерть и обладает знанием и силами, дающими возможность трансформировать одно в другое.

²³ Ср.: Юг: Саратов.: Аф., 269; ср.: Вят.: Смр. 1, 141.; Воронеж.: Купр., 1; Вят.: Зел., Вят., 86.

²⁴ В народном этикете в знак гостеприимства было принято искать вшей у гостя. Вшивость оценивалась как положительное свойство человека, как неотъемлемый признак *живого* человека. Вместе с тем у русских западное или обильное появление у человека вшей служило предвестием несчастья в семье, в частности его смерти (см.: [СД, 1995, с. 447]). В данном случае, видимо, это и знак гостеприимства, и знак переходного состояния между жизнью и посмертием. В северном материале невеста героя «туда раз в месяц ходит» поискать вшей в голове у Яги (Мурм.: Б., 1; Арх.: Смр., 35) – мотив, хорошо известный по мифологическим рассказам (см., например: Олон.: Раз., 12).

²⁵ Ср.: Север: «Потом сама себя по щеки ударила, по другой приправила: “Ох, я, старая плёха, не накормила, не напоила, стала вести выпрашивать”» (Мурм.: Б., 59, 1, 43, 57, 88); «выскочила баба-яга костяна нога, жопа жилина, м... мылена. Сейчас пёрнула, стол поддернула, бзнула, штей плеснула, жопой потрясла и блинов нанесла, накормила-напоила и спать повалила, и стала вестей спрашивать» (Арх.: Онч., 8).

3.7. **Формула-отсыл к более авторитетному источнику.** Во многих случаях младшая Яга посылает героя к более старшей как более мудрой и знающей: «А, **знаю** <...> А вот подальше живет моя старшая сестра, так она еще лучше знает. Ступай к ней»; «**Знаю**, а только моя старшая сестра еще лучше знает» (Том.: Пот. 1, кн. 2: 15; ср.: Барн.: Пот. 1, кн. 2: 29, 38 и др.)²⁶.

И тогда старейшая и мудрейшая Яга принимает активное участие в дальнейшей судьбе героя, помогая ему достичь цели с помощью подаренных ею волшебных предметов либо мудрых советов и сопровождающих их магических формул. Советы и дары Яги напрямую связаны с целеполаганием, побудительными мотивами героя и обнаруживают ее **знание** либо **провидческое знание**. Но это уже материал, который нуждается в дополнительном и более подробном рассмотрении.

Таким образом, нам удалось выделить ряд формульных блоков внутри эпизода встречи героя со своим помощником-антагонистом – Бабой-Ягой и дать им предварительное обозначение в рамках предложенной Н. Рошияну классификации.

Подводя итог, можно отметить, что в разновидности внутренних медиальных формул русских сказок Сибири, условно названных нами **формулами гостеприимства**, наблюдается ряд не только общерусских, но и специфических именно для сибирской традиции черт.

Так, говоря о **формулах телоположения** Яги в пространстве, мы обнаруживаем, что в рассмотренном сибирском материале полностью отсутствует связь Яги с печью и очагом, которая особенно ярко выражена в севернорусских текстах. Вместо гипертрофированных грудей, которых мы не встретили ни в одном сибирском тексте, локально появляется большое брюхо (скорее всего, влияние местной, бурятской, мифологии), а в одном тексте – три сестры-яги: Одноглазка, Двоглазка и Трехглазка, чего ни разу не встретилось ни в северно-, ни в южнорусских текстах. Почти не встречается мотив прядения и ткачества, очень сильно распространенный на Севере.

Формулы, описывающие действия сказочных персонажей, как и **вербальные формулы опознания**, а также **констатации исключительности происходящего и угрозы «чужому»** повсеместно характеризуют Ягу как людоедку и не имеют ярко выраженной региональной специфики.

Формула определения целеполагания героя также носит традиционный, общерусский, характер, хотя полностью отсутствуют две другие формулы: характерная для Севера «*волей или неволей идешь?*» и для Юга – «*дело пытаешь, али от дела лытаешь?*»

Формула обозначения изолированности пространства иномирья в сибирском материале встречается лишь единожды, хотя очень распространена на Русском Севере.

Формула ответа героя на приветствие Яги может носить характер императива (*сначала напои-накорми...*), а может констатировать факт нарушения законов гостеприимства и указывать на неправомерность поведения Яги по отношению к гостю («*В протчих деревнях так ли делают старухи? А ты должна...*»). Семантически эти формулы соответствуют общерусским, но в сибирских текстах встречаются более развернутые тексты, иногда принимающие балагурный характер и снижающие образ Яги до бытового образа обычной деревенской старухи.

Формула признания героя Ягой (описание маркеров поведения), как уже отмечалось, временами носит балагурный, зачастую рифмованный характер. Схожие формулы встретились нам еще только в Мурманской и один текст в Архангельской областях.

Следует иметь в виду, что по временным показателям сибирский материал является «молодым», поскольку основной массив сибирских текстов принадлежит к началу и первой трети XX в. и только три текста (Перм.: Аф., 267 – в фиксации 1850 г.; Смр. 2: 279 и 281 – в фиксации 1887 г.) могут быть определены как ранние.

Некоторые тексты обнаруживают очевидную исполнительскую переработку традиционного образа. Причем наблюдается как опрощение и снижение балагурного характера, так и, напротив, усложнение и расцвечивание деталями, что особенно заметно в ряде поздних текстов Пермской губернии и указывает на вероятность заимствования как сказительской манеры, так и репертуара у осевших в Сибири выходцев из других губерний, солдат и промысловиков.

²⁶ Ср.: Север: Волог.: Сок., 139; Олон.: КС, 6; Раз., 35; Юг: Ряз.: Аф., 212; Худ., 5; Моск.: МС, 37; Тамбов.: Аф., 171.

Список литературы

Герасимова Н. М. Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки // Славянские литература и фольклор. Л.: Наука, 1978а. С. 173–180. (Русский фольклор: материалы и исследования; Т. 18).

Герасимова Н. М. Формулы русской волшебной сказки (К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры) // Советская этнография. 1978б. № 5. С. 18–28.

Герасимова Н. М. Фигура медиации в русской волшебной сказке // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1995. Вып. 8–9. С. 241–250.

Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов. М.: Индрик, 1994. 272 с. (Традиционная духовная культура славян).

Зеленин Д. К. Кое-что о сказочниках и сказках Екатеринбургского уезда Пермской губернии // Великорусские сказки Пермской губернии. С приложением двенадцати башкирских сказок и одной мещерякской. Сборник Д. К. Зеленина. СПб., 1997. С. 15–32. (Studiorum Slavicorum Monumenta; Т. 12).

Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. (Исследование по эстетике устно-поэтического канона). Л.: Наука, 1989. 168 с.

Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974. 256 с.

Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1986. 366 с.

Рошину Н. Традиционные формулы сказки. М.: Наука, 1974. 216 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

Список сокращений источников текстов

Аф. – Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / Подгот. текстов, предисл., примеч. В. Я. Проппа. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 1 – 515 с.; Т. 2 – 510 с.; Т. 3 – 572 с.

Б. – Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л.: Наука, 1970. 448 с.

Воронеж. – Народные сказки Воронежской обл.: Современные записи / Сост. Н. Молчанова и др. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1977. 175 с.

ВС – Сказки и песни Вологодской области / Сост. С. И. Минц, Н. И. Савушкина. Вологда: Обл. кн. ред., 1955. 272 с.

Г. – Сказки. Песни. Частушки / Под ред. В. В. Гура. [Вологда]: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965. 332 с. Отд. «Сказки». С. 213–281.

Зел., Вят. – Великорусские сказки Вятской губернии. Сб. Д. К. Зеленина. Пг.: Тип. А. В. Орлова, 1915. 640 с. (Записки Императорского Русского географического общества по отд. этнографии; Т. 42).

Зел., Перм. – Великорусские сказки Пермской губернии. С приложением двенадцати башкирских сказок и одной мещерякской. Сборник Д. К. Зеленина / Изд. подгот. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 584 с. (Studiorum Slavicorum Monumenta; Т. 12).

Зин. – Русские сказки Забайкалья: Сб. / Подгот. текстов, сост., предисл. и примеч. В. П. Зиновьева. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 351 с.

Ков. – Сказки И. Ф. Ковалёва. Сб. Э. В. Гофман и С. И. Минц. М.: Гос. лит. музей, 1941. 359 с.

Крг. – Сказки М. М. Коргуева. Петрозаводск: Карел. гос. изд-во, 1939. Кн. 1 – 640 с.; Кн. 2 – 676 с. (Сказки Карельского Беломорья; Т. 1-2).

Крн. – Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. ст., коммент. И. В. Карнауховой. М.; Л.: Academia, 1934. 446 с.

КС – Русские сказки в Карелии: (Старые записи) / Подгот. текстов, ст., коммент. М. К. Азадовского. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. 248 с.

Купр. – Сказки Куприянихи / Зап. сказок, ст. о творчестве Куприянихи и комментарии А. М. Новиковой и И. А. Оссоветского; вступ. ст. и ред. И. П. Плотникова. Воронежская область: Ворон. обл. кн-во, тип. изд-ва «Коммуна», 1937. 270 с.

- МС* – Сказки и несказочная проза / Отв. ред. В. М. Гацак. М.: Наследие, 1998. 365 с. (Фольклорные сокровища Московской земли; Т. 3)
- Нкф.* – Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 386 с.
- Онч.* – Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гт. Сб. Н. Е. Ончукова. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. 643 с. (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии; Т. 33).
- Пот.* – Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. По этнографии. Т. 1, вып. 2: [Русские и инородческие сказки Енисейской и Томской губерний] / Под ред. Г. Н. Потанина. Томск: Паровая тип. Н. И. Орловой, 1906. 292 с.
- Раз.* – Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. Г. Сенькина; Ред. И. М. Колесницкая. Петрозаводск: Карелия, 1974. 423 с.
- Ржд.* – Сказы и сказки Беломорья и Пинежья / Зап. текстов, вступ. ст., коммент. Н. И. Рождественской. Архангельск: Архгиз, 1941. 224 с.
- РССиДВ* – Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / Сост. Р. П. Матвеева, Т. Г. Леонова. Новосибирск: Наука, 1993. 352 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Сад.* – Сказки и предания Самарского края. Собр. и зап. Д. Н. Садовниковым. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1884. 404 с. (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии; Т. 12).
- СД* – Славянские Древности: Этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, (1995–2014). 1995. Т. 1: А–Г – 488 с.
- Сим.* – Пинежские сказки / Собр. и зап. Г. Я. Симиной. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. 223 с.
- Смр.* – Сборник великорусских сказок Архива Русского географического общества / Изд. А. М. Смирнов. Пг.: Тип. Рос. Акад. наук, 1917. Вып. 2. 505 с. (Записки Русского географического общества; Т. 44).
- Сок.* – Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. М.: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1915. 666 с.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2004. Т. 38: Скинуть – Сметушка. 372 с.
- Урал.* – Русские народные сказки Урала / Ред.-сост. П. Галкин, М. Китайник, Н. Куштур. Свердловск: Кн. изд-во, 1959. 230 с.
- Худ.* – Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Изд. подгот. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. М.; Л.: Наука, 1964. 301 с. (Памятники русского фольклора).
- Шаст.* – *Шастина Е. И.* Сказки Ленских берегов. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971.

Список сокращений географических названий

Арх. – Архангельская губерния
Барн. – Барнаульский уезд
Бурят. – Бурятия
Волог. – Вологодская губерния
Воронеж. – Воронежская губерния
Вят. – Вятская губерния
Енисей. – Енисейская губерния
Иркутск. – Иркутская губерния
Курган. – Курганская область
Лена – река Лена
Моск. – Московская область
Мурм. – Мурманская область
Низ. Ангары – низовья реки Ангары

Олон. – Олонецкая губерния
Оренбург. – Оренбургская губерния
Перм. – Пермская губерния
Ряз. – Рязанская губерния
Саратов. – Саратовская губерния
Тамбов. – Тамбовская губерния
Том. – Томская губерния
Урал. – Уральский регион

References

Eleonskaya E. N. *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii. Sb. trudov* [Fairy tale, incantation and witchcraft in Russia. Collection of works]. Moscow, 1994. (Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura slavyan [Traditional spiritual culture of the Slavs]). 272 p. (In Russ.).

Gerasimova N. M. Figura mediatsii v russkoy volshebnoy skazke [The figure of mediation in a Russian fairy tale]. In: *Kunstkamera: Etnograficheskie tetradi* [Kunstkamera: Ethnographic notebooks]. St. Petersburg, 1995, iss. 8–9, pp. 241–250. (In Russ.).

Gerasimova N. M. Formuly russkoy volshebnoy skazki (K probleme stereotipnosti i variativnosti traditsionnoy kul'tury) [Formulas of the Russian fairy tale (On the problem of stereotyping and variability of traditional culture)]. *Soviet Ethnography*. 1978b, no. 5, pp. 18–28. (In Russ.).

Gerasimova N. M. Prostranstvenno-vremennye formuly russkoy volshebnoy skazki [The space-time formulas of the Russian fairy tale]. In: *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya* [Russian Folklore. Materials and research]. Leningrad, 1978a, vol. 18, pp. 173–180. (In Russ.).

Mal'tsev G. I. *Traditsionnye formuly russkoy narodnoy neobryadovoy liriki* [Traditional formulas of Russian folk non-ritual lyrics]. Leningrad, 1989. 168 p. (In Russ.).

Novikov N. V. *Obrazy vostochnoslavyanskoy volshebnoy skazki* [Images of the East Slavic Fairy Tale]. Leningrad, 1974. 256 p. (In Russ.).

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical Roots of a Fairy Tale]. Leningrad, 1986. 366 p. (In Russ.).

Propp V. Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of a Fairy Tale]. Leningrad, 1969. 168 p. (In Russ.).

Roshiyanu N. *Traditsionnye formuly skazki* [Traditional Formulas of Fairy Tales]. Moscow, 1974. 216 p. (In Russ.).

Zelenin D. K. Koe-chno o skazochnikakh i skazkakh Ekaterinburgskogo uezda Permskoy gubernii [Something about tale-tellers and tales of the Yekaterinburg district of the Perm province]. In: *Velikorusskie skazki Permskoy gubernii. S prilozheniem dvenadtsati bashkirskikh skazok i odnoy meshcheryakskoy. Sbornik D. K. Zelenina* [Great Russian fairy tales of Perm province. With the application of twelve Bashkir fairy tales and one Meshcheryak tale]. St. Petersburg, 1997, pp. 15–32. (Studiorum Slavicorum Monumenta; vol. 12). (In Russ.).

List of text sources

Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: v 3 t. [Folk Russian fairy tales by A. N. Afanasyev: in 3 vols.]. V. Ya. Propp (Prep. of texts, pref., notes). Moscow, 1957, vol. 1 – 515 c.; vol. 2 – 510 c.; vol. 3 – 572 c. (In Russ.).

Narodnye skazki Voronezhskoy obl.: Sovremennye zapisi [Folk tales of the Voronezh region: modern records]. Voronezh, 1977, 175 p. (In Russ.).

Pinezhskie skazki [Pinezhsky fairy tales]. G. Ya. Simina (Coll. and record.). Arkhangel'sk, 1975, 223 p. (In Russ.).

Russkie narodnye skazki Karel'skogo Pomor'ya [Russian folk tales of the Karelian Pomorye]. A. P. Razumova, T. G. Sen'kina (Comps.); I. M. Kolesnitskaya (Ed.). Petrozavodsk, 1974, 423 p. (In Russ.).

Russkie narodnye skazki Urala [Russian folk tales of the Ural]. P. Galkin, M. Kitaynik, N. Kushtum (Comps., eds.). Sverdlovsk, 1959, 230 p. (In Russ.).

Russkie skazki Sibiri i Dal'nego Vostoka: Volshebnye. O zhivotnykh [Russian fairy tales of Siberia and the Far East: Magical. About animals]. R. P. Matveeva, T. G. Leonova (Comps.). Novosibirsk, 1993, 352 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]). (In Russ.).

Russkie skazki v Karelii: (Starye zapisi) [Russian fairy tales in Karelia: (Old records)]. M. K. Azadovskiy (Prep. of texts, comp., pref. and notes). Petrozavodsk, 1947, 248 p. (In Russ.).

Russkie skazki Zabajkal'a [Russian Fairy tales of Transbaikalia: Collection]. V. P. Zinoviev (Prep. of texts, comp., pref. and notes). Irkutsk, 1983, 351 p. (In Russ.).

Sbornik velikorusskikh skazok Arkhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva [Collection of Great Russian fairy tales in the Archive of the Russian Geographical Society]. A. M. Smirnov (Publ.). Petrograd, 1917, iss. 2, 505 p. (Zapiski RGO, 1917, vol. 44). (In Russ.).

Severnorusskie skazki v zapisyakh A. I. Nikiforova [Northern Russian fairy tales in the records of A. I. Nikiforov]. V. Ya. Propp (Prep. of the ed.). Moscow, Leningrad, 1961, 386 p. (In Russ.).

Severnye skazki: Sbornik N. E. Onchukova [Northern Fairy tales: Collection of N. E. Onchukov]. St. Petersburg, 1908, 643 p. (Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii [Notes of the Imperial Russian Geographical Society for the Department of Ethnography; vol. 33]). (In Russ.).

Shastina E. I. *Skazki Lenskikh beregov* [Tales of Lena shores]. Irkutsk, 1971, 166 p. (In Russ.).

Skazki i neskazochnaya proza [Fairy tales and non-fairy tale prose] V. M. Gatsak (Ed. in Ch.). Moscow, 1998, 365 p. (Fol'klornye sokrovishcha Moskovskoy zemli [Folklore Treasures of the Moscow Land; vol. 3]). (In Russ.).

Skazki i pesni Belozerskogo kraya [Fairy tales and songs of the Belozersky region]. B. Sokolov and Yu. Sokolov (Record.). Moscow, 1915. 666 p. (In Russ.).

Skazki i pesni Vologodskoy oblasti [Fairy tales and songs of the Vologda region]. S. I. Mints, N. I. Savushkina (Comps.). Vologda, 1955, 272 p. (In Russ.).

Skazki i predaniya Samarskogo kraya [Fairy tales and legends of the Samara region]. D. N. Sadovnikov (Coll. and record.). St. Petersburg, 1884, 404 p. (Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii [Notes of the Imperial Russian Geographical Society for the Department of Ethnography; vol. 12]). (In Russ.).

Skazki i predaniya Severnogo kraya [Fairy tales and legends of the Northern Region]. I. V. Karnaukhova (Record., intr. art. and comm.). Leningrad, 1934. 446 p. (In Russ.).

Skazki I. F. Kovaleva. Sbornik E. V. Gofman i S. I. Mints [Tales of I. F. Kovalev. Collection by E. V. Hoffman and S. I. Mints]. Moscow, 1941, 359 p. (In Russ.).

Skazki Kupriyanikhi [Tales of Kupriyanikha]. A. M. Novikov and I. A. Ossovetsky (Record. of fairy tales, an art. about the work of Kupriyanikha and comm.); I. P. Plotnikov (Intr. art. and ed.). Voronezhskaya oblast', 1937, 270 p. (In Russ.).

Skazki M. M. Korgueva [Tales of M. M. Korguev]. Petrozavodsk, 1939, bk. 1 – 640 p.; bk. 2 – 676 p. (Skazki Karel'skogo Belomor'ya [Tales of the Karelian White Sea; vol. 1-2]). (In Russ.).

Skazki Terskogo berega Belogo morya [Fairy tales of the Tersk coast of the White Sea]. D. M. Balashov (Prep. of the ed.). Leningrad, 1970, 448 p. (In Russ.).

Skazki. Pesni. Chastushki [Fairy tales. Songs. Ditties]. V. V. Gura (Ed.). [Vologda], 1965. 332 p. Otd. «Skazki» [Section "Tales"]. Pp. 213–281. (In Russ.).

Skazy i skazki Belomor'ya i Pinezh'ya [Narrations and fairy tales of the White Sea and Pinezhye]. N. I. Rozhdestvenskaya (Record. of texts, intr. art., comm.). Arkhangel'sk, 1941. 224 p. (In Russ.).

Slavyanskije Drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5-ti t. [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, 1995, vol. 1: A–G, 488 p. (In Russ.).

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. St. Petersburg, 2004, vol. 38: Skinat' – Smetushka, 372 p. (In Russ.).

Velikorusskie skazki Permskoy gubernii. S prilozheniem dvenadtsati bashkirskikh skazok i odnoy meshcheryakskoy. Sbornik D. K. Zelenina [Great Russian fairy tales of Perm province. With the appendix of twelve Bashkir fairy tales and one Meshcheryak tale]. T. G. Ivanova (Prep. of the ed.). St. Petersburg, 1997, 584 p. (Studiorum Slavicorum Monumenta; vol. 12). (In Russ.).

Velikorusские skazki v zapisyakh I. A. Khudyakova [Great Russian fairy tales in the records of I. A. Khudyakov]. AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom); V. G. Bazanov and O. B. Alekseeva (Prep. of the ed.). Moscow, Leningrad, Nauka, 1964, 301 p. (Pamyatniki russkogo fol'klora [Monuments of Russian Folklore]). (In Russ.).

Velikorusские skazki Vyatskoy gubernii. Sb. D. K. Zelenina [Great Russian fairy tales of Vyatka province. Collection of D. K. Zelenin]. Petrograd, 1915, 640 p. (Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii [Notes of the Imperial Russian Geographical Society for the Department of Ethnography; vol. 42]). (In Russ.).

Zapiski Krasnoyarskogo podotdela Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva. Po etnografii [Notes of the Krasnoyarsk sub-department of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society. On Ethnography]. G. N. Potanin (Ed.). Tomsk, 1906, vol. 1, iss. 2, 292 p. (In Russ.).

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
06.09.2022*

Сведения об авторе

Рейли Марина Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

E-mail: reimara@mail.ru; irliran@mail.ru
ORCID 0000-0003-3223-0022

Information about the Author

Marina V. Reili – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

E-mail: reimara@mail.ru; irliran@mail.ru
ORCID 0000-0003-3223-0022